воспоминания о герцене

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Т. А. АСТРАКОВОЙ

Публикация А. Н. Дубовикова

В кружке московских друзей Герцена тридцатых-сороковых годов семья Астраковых занимала своеобразное место прежде всего своим резко выраженным демократизмом. Основные сведения о ней содержатся в предисловии Е. Л. Рудницкой к публикации писем С. И. и Т. А. Астраковых к Герцену и Огареву («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 9—22). В дополнение к изложенному там, укажем, что отец Н. И. и С. И. Астраковых происходил из крепостных тульского помещика Афанасия Ивановича Бунина (родным сыном которого был В. А. Жуковский). К этому заключению приводит отрывок из воспоминаний Т. А. Астраковой, напечатанный Т. П. Пассек в «Русской старине», но впоследствии не вошедший в отдельное издание «Из дальних лет».

Астракова рассказывает о случае, происшедшем на обеде, устроенном в связи с проводами Кетчера на службу в Петербург.

«На этом прощальном обеде была и А. П. Елагина. Она держала себя со всеми очень приветливо, но как-то свысока. Во время обеда она обратилась ко мне с вопросом: не родня ли мне какие-то Астраковы? Я ответила утвердительно. Она не ограничилась этим и переспросила брата моего, Сергея Ивановича. Брату представилось, что она знает отношения Астраковых к ее дому и сделала этот вопрос с намерением озадачить нас при всех; он отвечал ей, что неужели она забыла, что его отец был крепостным ее деда, выпущен им на волю и записан в канцеляристы. «Если бы моего отца не освободили,— добавил он,— и я не поучился бы в университете, то, вероятно, теперь ездил бы на запятках вашей кареты или стоял бы с тарелкой за вашим стулом, вместо того, чтобы сидеть с вами за одним столом». Авдотья Петровна, слушая это, видимо смутилась, сказала что-то вроде извинения. Некоторые из присутствующих постарались замять разговор» («Русская старина», 1877, № 4, стр. 679—680). Как известно, дедом А. П. Елагиной по матери был А. И. Бунин, в доме которого она и воспитывалась.

Жизнь Т. А. Астраковой до замужества была мучительно тяжелой. Она рассказала о ней в автобиографической повести «Воспитанница», появившейся в «Современнике», 1857, № 10 (Лемке ошибочно указал, что в «Воспитаннице» Астракова описала жизнь Н. А. Герцен до брака — IX, 59. Эта ошибка была повторена Н. П. Анциферовым — «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 365). Астракова была «незаконной» дочерью белевского купца из вольноотпущенников какого-то богатого помещика (по повести Алексея Зверкина); матерью ее была девушка из крепостной семьи, которую этот купец приобрел «для прислуги» и «держал по верящему письму». Сначала он намеревался жениться на ней, но затем, разорившись, возненавидел и ребенка и мать, которую он считал виновницей своего разорения. Вскоре девочку взяли в качестве воспитанницы в помещичью семью, где она провела годы, полные унижений, грубых придирок и окриков, систематического и безжалостного надругательства над ее человеческим достоинством. От этого домашнего ада ее избавило замужество — на ней женился дальний ее родственник, студент, дававший ей уроки. Это и был Н. И. Астраков (по повести — Звездов).

Автобиографичность повести засвидетельствована самой Астраковой в неизданном письме к Т. П. Пассек от 14 февраля 1884 г.: «Припомните-ка мою "Воспитанницу" — это моя жизнь, но это все еще цветочки, а что было на деле — страшно вспомнить. Случается, вдруг я вспомню сцену и окрик на меня: "Я тебя в прачки отдам!"— и т. п., так, поверите ли, что у меня при этом воспоминании сердцезамирает... А сколько таких воспоминаний!» (ИРЛИ, ф. 430, ед. хр. 11).

Астракова не получила систематического образования. «Вы знаете, что мое образование очень скудно; грамота и знание мною приобретено не фундаментальное, а, так сказать, по наслышке»,— писала она в том же письме. Но она была несомненно одаренным человеком, обладала природным умом и способностью самостоятельно мыслить. Испытав на себе тяжесть подневольного существования, она стала убежденной сторонницей женского равноправия. На это указывает А. В. Щепкина, встречавшаяся с ней в пятидесятых годах: «Она курила трубку с очень длинным чубуком и любила говорить о правах женщин, требуя для них доступа к науке и другой деятельности и равноправия с мужчинами. В то время суждения ее казались очень новы и оригинальны, хотя и не всеми признавались справедливыми» («Воспоминания А. В. Щепкиной». Сергиев Посад, 1915, стр. 173).

В свете сказанного можно понять, почему Астракова с искренним сочувствием отнеслась к судьбе невесты Герцена, томившейся в деспотической обстановке дома княгини Хованской, почему она приняла живейшее участие в ее побеге. Встретив со стороны Н. А. Герцен чувство искренней дружбы и приязни, Астракова горячо и преданно полюбила ее и пронесла эту любовь, граничившую с преклонением, через всю жизнь. Это подтверждают публикуемые воспоминания, а также письмо Герцена к детям от 2 мая 1869 г.: «Кстати как нельзя больше, я получил записочку, которую прочитайте вместе и потом вручите Тате на хранение. Это от Тат. Алекс. Астраковой, о которой вы слыхали. Состарилась она; ей теперь лет за 50, бедна, но какая юность души сохранилась и какая религиозная любовь к мамаше. Вот вам еще свидетельство, что она была из необыкновенных женщин» (ХХІ, 373).

Герцен относился к Астраковой с глубоким уважением, он ценил в ней не только ближайшего друга Натальи Александровны, по и мужественного, прямодушного человека, не отвернувшегося, подобно другим московским друзьям, от Герцена-эмигранта. Одна из «последних могикан», по выражению Герцена (VII, 10), она тепло и участливо откликнулась на известие о смерти Натальи Александровны, и это оценил Герцен: «Письмо Тат. Алекс. глубоко тронуло меня. Вот вам и женщины и мужчины... Никто не победил мудрой осторожности, одна женщина нашла силы...» (письмо к М. К. Рейхель от 15 июня 1852 г.; VII, 62). «Письма от Т. Ал.— единственная связь, оставшаяся у меня с Россией. Трусость ее не одолевает»,— писал он к той же Рейхель 31 января 1853 г. (VII, 177).

На этой почве должен был произойти и действительно произошел разрыв Астраковой с былым кружком друзей Герцена, отголоски чего звучат в публикуемых воспоминаниях в ряде критических замечаний по адресу Кетчера и его единомышленников. Об этом разрыве стало известно и Герцену. 6 мая 1856 г. он писал М. К. Рейхель: «Тат. Ал., как вы знаете из ее писем, отлучена от огня и воды московскими нашими пуристами» (VIII, 280). Зная о том, что Астракова, не имевшая никаких самостоятельных средств к существованию, лишилась вследствие этого «отлучения» помощи прежних друзей, Герцен считал своим долгом оказывать ей материальную поддержку (см. VI, 194; VII, 170; XXI, 329).

Возникновением своим публикуемые записки обязаны инициативе Т. П. Пассек, которая, получив возможность печатать воспоминания о Герцене, развернула энергичную деятельность по собиранию эпистолярных и мемуарных материалов от оставшихся к этому времени в живых близких Герцену людей (см. об этом в настоящем томе наше исследование о работе Пассек над ее воспоминаниями — стр. 584). С настойчивыми просьбами прислать ей свои записки Пассек обращалась в конце 1872 г. — начале 1873 г. к Огареву и М. К. Рейхель. Очевидно вскоре после этого, возвратившись из-за границы, она установила связь с Астраковой и убедила ее приступить к работе над воспоминаниями. Написаны они были не позднее середины 1876 г., так как уже в но-

ябрьской книжке «Русской старины» за этот год появилась глава XXVII воспоминаний Пассек «Из дальних лет» («Дом Ивана Алексеевича Яковлева»), в которую эведены были отрывки из записок Астраковой. В дальнейшем эти записки были частично использованы Пассек в главе XXVIII — «В Украйне и в Москве. 1835—1842» («Русская старина», 1877, № 4) и в главе XXXI—«1843—1844» (1877, № 7). В отдельном издании «Из дальних лет» этому соответствуют главы второго тома: XXIX — «Реклама», XXXVIII — «Москва» и XLI — «Т. Н. Грановский».

В отрывках из записок Астраковой, напечатанных у Пассек в первой из названных глав, подробно рассказана история женитьбы Герцена, в которой Астракова принимала живейшее участие, очерчена картина жизни Герценов во Владимире; далее идет речь о женитьбе Огарева и о начале его разрыва с Марьей Львовной, о приезде Герцена с женой в Москву и об их жизни в тучковском доме. Во второй главе рассказано о знакомстве Астраковой с Сатиным, о жизни Герцена в Петербурге и затем в Новгороде, о болезни и смерти Н. И. Астракова, о возвращении Герцена в Москву; заканчиваются эти извлечения характеристикой дружеского кружка Герцена и рассказом о рождении его сына Николая. В третьей из упомянутых глав кратко очерчены Грановский, Галахов, Крюков и другие члены кружка, намечены отдельные черты характера Герцена, рассказано о лете 1846 г., проведенном Герценом и его друзьями в Соколове; заканчиваются отрывки решением Герцена и Натальи Александровны уехать за границу.

Как явствует из этого краткого перечня, напечатанное у Пассек частично совпадает с текстом публикуемых воспоминаний. Сличение этих совпадающих мест позволяет установить метод работы Пассек и степень достоверности использованных еюматериалов. Пассек достаточно свободно обращалась с текстом Астраковой (на что она, вероятно, имела соответствующие полномочия от автора), перемежала куски точно воспроизведенного текста с сокращенным изложением от себя, делала извлечения иззаписок и по-своему монтировала их, не заботясь о сохранении авторской последовательности. В отдельных случаях она, очевидно, сознательно смягчала или снимала те или другие неприемлемые для нее резкие выражения.

Так, в рассказе «Наташи» о размолвке с Грановским из-за неловкой фразы Герцена (см. начало публикуемого текста) Пассек были выпущены выделенные ниже курсивом слова: «Что Александр был виноват в том, что он произнес необдуманную фразу, это я признаю, но чтобы сразу варезать человека, назвать его подлецом, — это жестоко». Вместо этого у Пассек короткая фраза: «Александр сказал жеобдуманно, я признаю это, но и только» (Пасек короткая фраза: «Александр сказал жеобдуманно, я признаю это, но и только» (Пасек короткая фраза: «Александр сказал жеобдуманно, я признаю это, но и только» (Пасек короткая фраза: «Александр сказал жеобдуманно, я признаю это, но и только» (Пасек также сделала купюры: «Для меня воспоминание о вас, друзьях моего счастья, свято. Несмотря ни на что, я люблю Кетчера, люблю этого дикаря и часто смотрю на его соломенную шляпу, которую берегу, как святыню, как лучшее воспоминание о прошлом» (ср. Пасек, П. 333).

В воспоминаниях Астраковой, преданно и беззаветно любивпей Наталью Александровну, личность ее предстает в ореоле почти благоговейного преклонения. В письме к М. К. Рейхель от 21 сентября 1879 г. Пассек писала по поводу содержания только что отпечатанного второго тома ее записок: «Несколько фактов сообщено мне Т. А. Астраковой. Она, по-моему, слишком пристрастна к Наташе. Я многое совсем смягчила, не отступая от истины» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 274). Действительно, как показывает сличение печатного текста с рукописью, Пассек выпустила ряд мест, содержащих восторженную оценку личности жены Герцена и защиту ее от обвинений московских друзей. Изъятой оказалась, в частности, яркая характеристика Натальи Александровны как «русской женщины, которая, выросши под гнетом деспотов, сумела развить свой ум, душу и сердце и стать наряду с замечательными личностями — как женщина, как жена, как мать, и вместе с этим она не была чужда общественных интересов...».

Изъятию подвергся и ряд живых эпизодов, непосредственно рисующих самого Герпена (в светском обществе, куда он явился с Астраковой, дома во время родов Натальи Александровны и др.). Отметим, кстати, что сокращения по этой линии произ-

водились Пассек не только при подготовке ее записок для «Русской старины», но и позднее, при работе над отдельным их изданием. Так, в главе «Т. Н. Грановский», описывая впечатление от его лекции («слушали, задыхаясь от восторга»), Астракова сохранила живую зарисовку Герцена во время лекции его друга: «Александр и тут не мог оставаться покоен. Лицо его горело, он переглядывался с знакомыми, то взорами выражал восторг, то острил на ухо соседу» («Русская старина», 1877, № 7, стр. 464; ср. Пассек, II, стр. 307—308).

В цензурных документах о «Воспоминаниях» Пассек сохранился отзыв цензора о воспроизведенном Астраковой облике Герцена. В докладной записке от 23 марта 1877 г. цензор Ратынский писал, что «в записках некоей г-жи Астраковой, которые г-жа Пассек приплела к своему рассказу, Герцен выставляется довольно пустым и тщеславным светским человеком, у которого чувства отца и мужа заглушались заботами о соблюдении светских приличий» («Доклад о книжке "Русской старины" за апрель 1877 года». ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, 1869 г., д. № 65, ч. 1, лл. 114—115). Разумеется, эта оценка записок Астраковой несправедлива. В них нет ничего враждебного Герцену, никакого желания очернить его личность. Искреннее дружеское чувство к Герцену и его семье она сохранила до конца своей жизни, как и уважение к его личности, увлекающейся, порой не чуждой эгоизма, но всегда чистой, благородной, далекой от какой бы то ни было мелочности и пошлости. Достаточно сослаться на заключительные страницы публикуемого текста, где она говорит: «...Когда не стало Александра в кружке мужчин, то ими овладели мало-помалу самые мелкие дрязги и сплетни, чего при нем никогда не было (...) Личность Александра как бы ограждала всех от влияния мелочных дрязгов...». А те критические ноты, которые звучат у нее по адресу Герцена и которые тенденциозно истолковал цензор, делают его образ свободным от иконописного канона, живым и человечным.

Ценным вкладом в мемуарную литературу о Герцене является рассказ Астраковой о прощальном вечере у Грановского, устроенном 19 января 1847 г., и о проводах Герцена в Черной Грязи. Пассек не включила его в свои записки, повидимому, из опасения перед цензурой, для которой тема отъезда, положившего начало эмиграции Гердена, была, конечно, неприемлемой. Рассказ Астраковой тем более важен для биографии Герцена, что никто из провожавших Герцена не оставил воспоминаний об этом событии. О вечере у Грановского до сих пор было известно только по короткому упоминанию Герцена в письме к Грановскому, посланном из Твери. утром 20 января 1847 г. («О проводах, о 18 и 19 января буду говорить, когда приду в себя» — V, 5). Было ли осуществлено это намерение, остается неизвестным. Впоследствии в «Письмах к будущему другу» Герцен вспомнил об этом вечере, рассказав о присутствии на нем Чаадаева и о своем тосте «за старшего из нас — за Чаадаева» (XVII, 99. У Астраковой этот знаменательный эпизод не упомянут). Проводы в Черной Грязи были коротко описаны только Герценом в «Былом и думах» (XIII, 202—203) и М. К. Рейхель в ее интересных, но крайне скупых в этой части воспоминаниях. Значение публикуемых страниц из воспоминаний Астраковой определяется и их литературными достоинствами: ее описания точны и выразительны, характеристики свидетельствуют о живой наблюдательности и хорошей намяти автора.

Отметим в заключение, что, по данным неопубликованной переписки Астраковой, она и позднее, в восьмидесятых годах, продолжала работу над своими воспоминаниями и делилась с Пассек сохранившимися у нее материалами. В главах «Из дальних лет», опубликованных в «Полярной звезде» 1881 г., Пассек напечатала большое количество писем Огарева к С. И. Астракову (некоторые из них с приписками Герцена), а также письмо Н. А. Герцен к С. И. Астракову («Полярная звезда», 1881, №№ 1, 2. 3).

В 1882 г. Пассек возобновила печатание в «Русской старине» глав своих записок, составивших позднее третью часть их, и в связи с этим снова обратилась к Астраковой.

В начале 1883 г. Астракова писала Н. А. Тучковой-Огаревой: «Ей ⟨Пассек⟩ вздумалось издавать еще третью часть своих воспоминаний, и она просит меня (и вас) помочь ей или письмами, или изустными рассказами» (ЛБ, Г.— О. IX, 22, № 13).

У нас нет данных для того, чтобы утверждать, что Астракова тогда же откликнулась на эту новую просьбу Пассек. Вероятно, она не сразу собралась вновь сесть за воспоминания, тем более, что вторичное обращение к фактам, уже один раз ею освещенным, представляло добавочные трудности (необходимость избежать повторений). 24 декабря 1884 г. произошло событие, почти лишившее Астракову возможности дополнить ее прежние воспоминания новыми: в ее доме случился пожар, во время которого погибло все имущество, в том числе все книги и старые письма, бережно сохранявшиеся Астраковой.

6 июля 1885 г. она, отвечая, как мы предполагаем, на повторные на поминания Пассек о записках, подробно рассказывала о случившемся несчастье и

ДОМ НА ПЛЮЩИХЕТ(ТЕПЕРЬ № 52) В МОСКВЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ АСТРАКОВЫМ Фотография, 1930-е гг.

Литературный музей, Москва

заключала: «Все мое имущество исчезло, все, ровно ничего не осталось, в том числе, конечно, и все книги (дорогие, хорошие издания), и ваши брошюрки, и оба тома воспоминаний "Из дальних лет". Горе мое было ужасно; не вещей домашних, не платья и всей одежды мне было жаль, а жаль книг и рукописей, которых уже не найдешь и не вернешь ничем, а другие купить нет средств (...) Так вот, как видите, что я хотя и очень была бы рада поделиться с вами (даже безвозмездно) памятными записками, но увы! — все погибло — осталось только горькое воспоминание. (...) Если что вам понадобится спросить меня о чем-либо, касающемся Герцена, то я, что смогу, все сообщу вам. Огонь лишил меня многого дорогого, отрадного...» (ИРЛИ, ф. 430, ед. хр. 11).

В письмах Астраковой к Н. А. Тучковой-Огаревой содержатся более точные сведения об утратах, понесенных ею во время пожара и о частично уцелевших материалах: «Но с чем я не могу помириться и что меня глубоко огорчает, это то, что сгорели (пропали) все дорогие письма: Сатиной, Герцена, Огарева и увы! — Натальи Александровны (матери) и ее портрет — как вспомню, так слезы душат. Портреты Огарева (петербургский ⟨?⟩), Герцена (парижский), и, помните, — лондонский, вы втроем сняты—эти уцелели» (письмо без даты; ЛБ, Г.—О.ІХ. 23, № 4). 11 февраля 1885 г. она

35 литературное наследство, т. 63

уточняет эти ланные: «Очень мне горько, что погибли ее < Н. А. Герцен> три портрета и последнее ее ко мне письмо, в котором она звала меня к себе...» (там же, № 5). И только через несколько месяцев, 16 августа того же года, она извещает свою корреспондентку, что некоторые бумаги нашлись после пожара: «Нашлись записочки Наташи Герцен (московские), ваши письма и Огарева из Петербурга и заграничные — все это разрознено, неполно, изорвано» (там же, № 6).

Очевидно, именно эта находка подбодрила Астракову и побудила ее сообщить Пассек о своей готовности исполнить ее просьбу. З августа 1885 г. она писала: «Что касается вашего желания, чтобы я сообщила о Наташе и Огареве что я помню, то это я постараюсь исполнить, только не обещаю скоро, потому что все прихварываю» (ИРЛИ, ф. 430, ед. хр. 11).

Однако Пассек пришлось долго, больше двух лет, дожидаться присылки обещанных новых воспоминаний. Во второй половине 1887 г. Астракова снова писала ей о причинах, мешающих ей браться за работу. Но продолжение письма косвенно свидетельствует, что она готова была начать работу, а может быть уже и начала: «Если что я припомню, то нашишу вам, но, ради бога, это будет не моя статья, а только для вас материал, и вы можете данные мною сведения употребить, как собственные свой, включая их в свои воспоминания, и это, право, не будет никакого литературного греха, и только на этом условии я буду согласна время от времени что-нибудь присылать вам. О плате, пожалуйста, ни слова — какая тут плата; это занятие даже сделает мне добро, отвлечет...» * (ЛБ, Г.— О. ІХ, 26). Письмо без даты; приблизительная датировка устанавливается по письмам Астраковой к Н. А. Тучковой-Огаревой от 16 июля—11 декабря 1887 г. (ЛБ, Г.— О. ІХ, 24, №№ 2 и 6).

О том, что страницы из воспоминаний были все-таки ею написаны и отосланы Пассек, мы узнаем из письма Астраковой к Н.А.Тучковой-Огаревой от 11 декабря 1887 г.:

«Вот уже года полтора, как Т. П. Пассек приставала ко мне писать о Герценах, о том времени, когда они жили в Москве и на дачах. Описать их круг, общество и характер всех, и в особенности Наташи. Долго я не решалась на это, да и не до того мне было в моей глупой обстановке и разных дрязгах; а Пассек все не отставала и повторяла свои просьбы.

Наконец как-то нашло на меня желание писать, и вот я набросала несколько почтовых страничек и отослала к ней. Это было еще 24 ноября, но до сих пор не получила ответа; я ее просила не о том, годятся ли записки, но получила ли она их...» (там же, N 6).

В середине 1888 г. Астракова извещала Н. А. Тучкову-Огареву о своем решении ничего больше не писать для Пассек, вследствие чего связь между ними временно прекратилась:

«Что, получаете ли вы от Т.П. Пассек письма? Ко мне она давно не писала—оно понятно; ей хотелось получить мои записки о Наташе, но так как я ей написала, что, во-первых, мне по болезни теперь трудно писать, а потом мне очень не нравится, что Семевский печатает mo и man, как ему и Саше Герпену нравится, а я хочу, чтобы печатали mo, что я написала. Ну, я наотрез отказалась писать хотя что-нибудь» (там же, N 11).

Судьба записок Астраковой, написанных в 1887 г., остается неизвестной: в третий том книги Пассек «Из дальних лет» они не были включены, и никаких следов их использования там не имеется; полный текст рукописи записок до сих пор остается не обнаруженным.

Таким образом, публикуемые материалы в настоящее время являются единственным находящимся в нашем распоряжении подлинным текстом воспоминаний Астраковой.

Записки Астраковой печатаются по автографу (ИРЛИ, ф. 430, ед. хр. 11, лл. 21-24 об. и 16-20 об.).

^{*} Конец письма не сохранился.— Ped.

СВОСПОМИНАНИЯ О ГЕРЦЕНЕ

¹ наконец общими силами успели как-то перевести разговор на другой предмет, даже шутили и смеялись, но Грановский оставался мрачен и все были не в своей тарелке, потом уехали все. Рассказав это, Наташа прибавила: «Такого горького, тяжелого дня мы, кажется, никогда не переживали. Что Александр был виноват в том, что он произнес необдуманную фразу, это я признаю, но чтобы сразу зарезать человека, назвать его подлецом,— это жестоко. Мы молча легли спать, и наутро Александр сказал мне: "Да, пора ехать и ехать… " — Что до меня, я давно думала об этом, давно все шло к разрыву».

Па. пействительно, как ни старались все маскироваться в костюм пружества, как ни старались пить круговую чашу и веселиться, но во всем проглядывала натянутость, — каждое слово взвешивалось, каждый шаг рассчитывали... Для меня странно было одно, что всякая вина Александра была отнесена на влияние Наташи — почему? Я до сих пор не могу объяснить этого, тем более, что я знала совершенно противное. Наташа страшно страдала за эгоизм и промахи своего мужа, но ее вина была разве в том, что она никому не жаловалась на Александра, никому не выдавала его. напротив, при случае старалась извинять его разными доводами, и в этом, по-моему, она поступала честно, тем более, что она и других, даже оскорбляющих ее, старалась извинить и не бросала в них камня... Ник, всегда деликатный, всегда нежный, с любящим сердцем, уважал Наташу глубоко, и между ними никогда не было и тени недоумений. Грановский тоже уважал Наташу и иногда дружески доверял ей свои домашние невзгоды, и если бы не роковое влияние Мр. Фдр.2, то он всегда остался бы искренним ее другом. Кетчер был чуть ли не влюблен в Наташу, — он ей был предан как собака и часто ссорился с Александром из-за того, что ему иногда казалось, что Александр или мало заботится о Наташе, или много надоедает ей своей заботливостью. Наташа, с своей стороны, уже невестой подготовленная отзывами Александра относительно кетчеровой личности, как самой замечательно честной, доброй и благородной, и потом благодарная ему за его помощь и хлопоты о их свадьбе и потом за участие в ее болезни, за помощь и уход за детьми, — все это заставило ее глубоко уважать и полюбить Кетчера. Она его любила буквально как родного отца и всякие от него черствые замечания принимала, как покорная дочь, и вот даже незадолго досмерти она писала мне: «Для меня воспоминание о вас, друзьях моего счастья, — свято. Несмотря ни на что, я люблю Кетчера, люблю этого дикаря и часто смотрю на его соломенную шляпу, которую берегу, как святыню, как лучшее воспоминание о прошлом...». — И такую женщину, с таким добрым сердцем, осмеливаются называть бездушной дрянью!.. Впрочем, немудрено: дрянные люди не могли понимать ее, а хорошие, но с слабым характером, как это всегда бывает, подпадают под влияние лицемеров и дурных людей, умеющих играть роли сердобольных, но в душе злых и завистливых... - Я много говорила ее детям теперь о достоинствах их материз и надеюсь, что они сумеют восстановить в глазах избранных настоящее о ней понятие, и если они сумеют описать ее жизнь и ее характер, как следует, то это будет полезнодля характеристики русской женщины, которая, выросши под гнетом деспотов, сумела развить свой ум, душу и сердце и стать наряду с замечательными личностями — как женщина, как жена, как мать, и вместе с этим она не была чужда общественных интересов...—48-й год она уже не жила для себя — душа ее была растерзана, что вы можете видеть из ее писем (из Парижа) ко мне4. — Итак, 46-й год своими событиями в среде друзей решил отъезд Герценых за границу⁵. Мое горе было самое тяжелое: я так привыкла видеться с Наташей, делиться с нею взаимно мыслями и жизненными вопросами, наконец,

любить ее, что для меня было немыслимо остаться без нее... Мне еще представлялось, что я хороню ее... (и так вышло на самом деле). Она утешала меня, уверяла, что мы расстаемся не надолго, что их поездка принесет много пользы как им, так и всем друзьям, — что они освежатся, отдохнут, и друзья, наконец, одумаются и все-таки оценят нас по достоинству и простят нам наши невольные прегрешения... Я тоже понимала, что им нужно уехать, но жаль было расстаться с нею. С Александром мы были хороши, но дружбы между нами не было и не могло быть, по той причине, что, во-первых, как я уже говорила, он любил лесть, поклонение, а я не могла воздержаться, чтобы не ловить его на каждом слове и деле, я часто указывала ему разлад его пера с его действительной жизнью. Так, например, раз как-то второпях я явилась к ним без воротничка и без рукавчиков; на эту пору к ним приехала Голохвастова, и он торопливо просил меня, чтобы я не выходила при ней в гостиную, так как он не желает, чтобы такую уважаемую им женщину, как я, заподозрили в неряшестве. Впоследствии я часто или нарочно прятала воротнички или вовсе приходила без них, чтобы подразнить его. Раз как-то я поехала с ним на лекцию Грановского, — он, видимо, стеснялся мною (так как я не была известна в свете) и, усадивши меня, отошел к светским барыням (Картсков <?>, Павловой Кр. Крл. и проч.). Кому-то вздумалось спросить его обо мне, кто я, и заметить ему, что я очень интересная дама. Герцена это восхитило, и он стал часто подходить ко мне и разговаривать со мною; меня удивило его внимание, и я ему даже советовала не стесняться и не терять со мною время, но когда он, приехавши домой, рассказал нам о вопросах обо мне, тогда я ему высказала, что теперь я поняла, почему он был так внимателен ко мне,— он сконфузился и, конечно, отрицал мою догадку, но это было так, я знала это хорошо. Наташа даже заметила мне, что я все нападаю на Александра. В иных случаях мы с Александром сходились живость характеров сближала нас, и он бывало любил со мною поострить над кем-нибудь из друзей-флегматиков. Он также понимал, что я с Наташей ближе сошлась, чем кто-нибудь, и всегда при ее горе или нездоровье он сейчас присылал за мною. Когда у них родился ребенок, то тотчас давали мне знать. О рождении Наташи Герцен написал, кажется, так: «Наталья Александровна 1-я, извещая о рождении Натальи Александровны 2-й, просит посетить ее, а 2-я просит принять ее в ваше милостивое расположение»,— или что-то вроде этого. Когда я приходила к ним и если все было благополучно, то находила Александра в самом веселом расположении, — он не мог посидеть на месте, беспрерывно вскакивал, острил надо всеми нами, даже над акушеркой, — потом задумывался и спрашивал акушерку: «А что, вы ручаетесь, что все хорошо? и Наташа ничего? а ребенок?» — Да я же говорила вам иять раз, что все хорошо, все..., — отвечала акушерка (это М-те Рихтер из Воспитательного дома. Славная была женщина). — «Ну, а в шестой-то раз уж вы и не хотите ответить?» — пошутит Александр и побежит к Наташе.— Да перестаньте бегать к ней,— закричит ему вслед акушерка,— ей нужен покой!— Ну он опять вбежит к нам и снова острит, шутит... Когда, бывало, войдешь к Наташе, первое ее слово: «Ну, что Александр? Он измучился, бедный...». — Да ничего, — скажешь ей, — он весел, все шутит. — «Вы не знаете его, Таня, это не спокойствие, он боится и за меня и за ребенка — он просто в ажитации, мне ужасно жаль его. Пошли его ко мне, пожалуйста!». —Да ведь акушерка не велела ему ходить к тебе, потомучто тебе нужен покой...- «Ну я и буду покойна, когда поговорю с ним...». В эти моменты я была счастлива за Наташу, потому что такая глубокая вера в любовь своего мужа могла скоро восстановить ее силы и надолго.

Когда Герцены жили в Москве последние годы, то мои именины праздновались очень шумно. Ко мне собирался почти весь кружок мужчин и

дам на вечер. Пили чай, ужинали, при этом, конечно, много выпивалось вина, а шампанское всегда Герцен привозил с собою, бутылок пять-шесть и почти всегда уже ночью посылали на лошади за добавочным. В 1846 году Наташа не могла быть у меня на именинах — у нее родилась дочь Лиза⁷; она прислала мне коробочку с вещами из угля и надписала год и число. Эта коробочка и теперь у меня. Когда все собрались ко мне, то брат Сергей Иванович позвал меня в мою комнату и прибавил:«Да поскорее иди!».— Я вошла и увидала на моем комоде стояли три портрета в рамках: Герцена, Грановского и Корша, и перед каждым стояло по свечке.— Явились

ДЕТИ ГЕРЦЕНА: САША, ТАТА и КОЛЯ
Фотография с утраченного рисунка К. А. Горбунова, 1845 г.
«Пражская коллекция»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

и оригиналы и кто-то из них сострил: «Вот вам наше благословение—трех святителей!».—Я была очень, очень рада такому подарку.— Эти портреты и теперь висят в моей комнате и живо напоминают мне то дорогое время, когда так хорошо жилось с верою в людей, в этих людей, казав-

шихся лучшими... Двух из них уже нет — мир им!.. Припоминая жизнь Герценых в Москве, начиная с 1842 по 1847 год

Припоминая жизнь Герценых в Москве, начиная с 1842 по 1847 год (их отъезда за границу) и пропуская из нее разные неприятные столкновения и грустные события, общее составляет такое отрадное, приятное впечатление, что с радостью пережила бы всю эту жизнь, послушала бы умных речей Герцена, побывала бы на лекции милого Грановского, —посидела бы с Наташей и с любовью поглядела бы на ее милое, оживленное личико, послушать ее симпатичного голоска, ее умной, доброй речи, обняла бы ее, расцеловала... Тени лучших людей из ее кружка являются передо мною, как живые. Вот Грановский читает для Наташи, у нее в кабинете, лекции из средней истории (это было потому, что Наташа не могла ездить на публичные лекции Грановского — она была больна, а поэтому он и предложил ей читать на дому). И что это были за лекции! — Не стесняясь

публикой и неизбежной в публике цензурой, он читал так живо, так увлекательно, так интересно эти лекции, что, право, мне кажется, лучше этого уже никто не прочтет. Мы слушали его только четверо: Наташа, я, Марья Каспаровна, которая и записывала, и Марья Федоровна⁸, которая по своей привычке льстить употребляла в настоящем случае мимические знаки, изъявляющие то восторг, то удивление и пр. и пр. Наташа вся превращалась в слух, - лицо ее горело, глаза блистали, а иногда даже в них светились слезы. По окончании лекции мы все благодарили Грановского. Наташа молча сжимала его руку и с горячей благодарностью глядела ему в глаза, и у Грановского всегда появлялись на глазах слезы и он спешил уйти. Это был нежный, впечатлительный человек, добрый, благородный, бескорыстный, очень умный, но только в чем можно было его упрекнуть, так это в лени и в пристрастии к картам. Он мог играть по целым ночам, не вставая и ни о чем больше не думая, ничего уже не понимая, — эта страсть в нем развилась с удвоенной силой, когда уехали Герцены за границу. Для него уже не было научного освежающего элемента, не было живого интереса в жизни, или, если он и был, то ему не с кем было делить его — с ним не было ни Александра, ни Ника, и он бросился в картеж, чтобы забыться и забыть всё...

И на солнце есть пятна, однако оно животворно действует, таков был и Грановский. Встречая у Герценых Ивана Павловича Галахова, хотя и не часто, но я не могу забыть его. Что это за милый, простой, деликатный в высшей степени человек! Как он умел метко обрисовать кого-нибудь, но без желчи, без желания повредить человеку. Странно, он держался как будто в стороне, как будто дичился людей, а между тем приятно было его видеть и слышать, и кто видал его хотя немного, вероятно, вынес о нем самое приятное впечатление. Еще лицо — это профессор Крюков; серьезный, как будто сосредоточенный только на науке, но в обществе очень милый и симпатичный человек. Как теперь помню, раз как-то Герцены позвали всех на жженку. Приготовили в зале серебряную вазу, зажгли в ней спирт и для эффекта загасили огонь в зале. Крюков взялся варить жженку; все мы, мужчины и женщины, уселись кругом по стенам, а Крюков посередине, один, с голой головой (у него не было волос на середине головы), освещенный синим огнем, с серьезной физиономией, с серебряным ковшом в руке, которым помешивал жженку, казался каким-то прорицателем. Странно было, что мы все молчали и глядели на Крюкова... Я сидела возле Наташи, и она заметила мне вполголоса: «Мне кажется, не жилец на свете Крюков — что-то в нем отражается не земное, не наше!». И скоро сбылись ее слова на нем. Видела я и противоположные этим личности, т. е. по впечатлению; это Тургенев, который на все и всех смотрел как-то свысока и всей своей фигурой говорил: ведь я Тургенев! Видела графа Соллогуба, но вскользь, так как онвсевремя сидел и ужинал в кабинете Александра. Но все-таки он показался мне довольно простым малым. Многие из знакомых Герценых почти не остались у меня в памяти и потому я ничего не могу сказать о них. Перед отъездом за границу, когда уже Герцены решились непременно ехеть и заявили это серьезно, то как будто все встрепенулись, все почувствовали, что с отъездом их изменится и общая жизнь кружка. Даже Кетчер, все дувшийся на Наташу за Серафиму, и он стал помягче и повнимательнее к ним.

В конце 1846 года заболела маленькая Лиза, ее лечил Альфонский; как всегда он утешал и ободрял Наташу, что у Лизы режутся зубки, что это бывает с детьми, что она встанет и пр. и пр. Но под конец он сказал и Кетчеру, и Александру, что надежды нет, но от Наташи это скрывали. За день до кончины Лизы я пришла к ним. Наташа сидела возле ребенка (больного), бледная, измученная, и опухшими красными глазами смотрела на Лизу: — «Не глупо ли это, Таня,— заговорила она,— за что страдает

бедный ребенок? Или так надо?..». — Я молчала. — «Да что же ты молчишь, Таня?.. Глупо ведь это, да?..». — Потом, помолчавши, пожала мне руку и сказала: «Видишь, как поглупела я за эти дни? Тяжело, очень тяжело мне и нет поддержки... А доктор и Александр, он утешает меня как ребенка, точно я не вижу, что Лиза уже не наша...». — Когда я стала уходить домой, она мне сказала: «Приходи непременно завтра, ты мне будешь нужна, да, нужна — приходи же!». — На другой день Александр прислал записку о смерти Лизы. Я побежала к Наташе. Она сидела возле умершей; когда я подошла, она мне сказала: «Видишь, я была права, — ты мне теперь нужна». Обозначилось, что ей непременно хотелось, чтобы я собственноручно сшила вуаль или саван для Лизы,— сама, конечно, она уже не могла это делать, но ей хотелось, чтобы близкий человек одел Лизу, что я и исполнила. Все время Наташа была тверда, почти не плакала, просила не ухаживать за нею, говоря, что она ведь в памяти. Я боялась за нее; она была бледна и холодна и смотрела как статуя, но ходила твердо, избегала разговора. В церкви стояла у гроба и не отрывала глаз от ребенка, простилась с ней, расцеловала ее всю, перекрестила и отвернулась. Когда вынесли гроб, она просила Александра взять его с собою в карету, что, конечно, он и исполнил. В карете они были только вдвоем и держали Лизу на руках. Ее похоронили в Девичьем монастыре, возле Вани (родившегося в Москве в 1842 году и жившего всего 48 часов). Я иногда посещала их могилки; на них поставил Александр две колонки из черного мрамора, могилки их находятся сзади холодного собора. На похороны съехались почти все друзья, я ехала в монастырь с Сатиным. Возвратясь из монастыря и напившись чаю, все поспешили разъехаться. Наташа просила Александра тоже поехать куда-нибудь имне предложила ехать с ним вместе, чтобы вздохнуть свежим воздухом, как выразилась она, и что ей хочется остаться одной с остальными детьми. Мы исполнили ее желание и поехали в санях Редкина, который уселся с кучером, и решили ехать к Коршам, где тогда жила сестра Корша, Крылова. Редкин, как известный волокита и влюбчивый человек, тотчас заговорил с Герценом о красоте Крыловой и о том, как бы он был счастлив, если бы ему удалось завладеть этой женщиной; я сидела закутавшись и старалась не обращать внимания на болтовню Редкина, но меня бесило то, что Александр вторил ему и говорил разные глупости. Я не могла понять, как он мог слушать и говорить о каком бы то ни было вздоре с Редкиным, когда только что похоронил повидимому любимого им ребенка и оставил жену в полном отчаянии и глубоком горе, хотя она и старалась скрывать это, но он не мог же не знать ее и не сочувствовать ей. Вот какой был увлекательный человек Александр!— Часа через три мы возвращались к Наташе,— она вышла к нам навстречу, пожала обоим руки своими холодными руками и сказала: «Спасибо, друзья, что приехали — страшная тоска так и душит... дети уснули... и как холодно, холодно...». — Александр растерялся: он начал (как всегда) приставать к ней, не захворала ли она? Не простудилась ли? Не лечь ли ей лучше в постель и т. д. — «Полно, Александр! Я не больна, а ведь у меня дети-то не все... Лизы нет... Впрочем, я лягу, а вы посидите около меня, ведь можете?..». Мы согласились, она ушла в спальную и легла, мы с Александром сели около нее и начали перебалтывать о разном вздоре; сначала Наташа слушала, даже спрашивала, кого мы видели у Коршей и проч. ... Потом вдруг замолчала и, обратясь к нам, сказала: «А как Лизе-то холодно теперь! (ее хоронили зимой) — и мне холодно без нее», — да вдруг и зарыдала, -- мы перепугались с Александром, но эти слезы были благодеянием, они облегчили наболевшее сердце ее...

Долго еще бедная Наташа горевала о своей маленькой девочке, сборы за границу несколько поневоле ее заставили как будто позабыть о своей потере,— ей предстояло много хлопот, чтобы обдумать, что взять с собою,

что оставить здесь, в Москве, до приезда своего назад, что они раздали всем нам на память. Такая большая семья, как ее, требовала многого. Они ехали с мужем, при них трое детей, из которых старшему Саше было всего семь лет, потом Коля лет четырех и Тата трех; при ней до границы была взята ее кормилица Татьяна — живая, здоровая особа, а с границы уже Тата переходила на попечение Марьи Федоровны Корш. Сборы длились что-то долго — ждали билета, устраивали дорожные возки и приготовляли всякие дорожные принадлежности*. Когда у них все было уложено, то они уже ездили по знакомым на прощальные вечера, куда и я сопровождала их. Отрадно было видеть, что всякая вражда между друзьями смолкла, — все наперерыв старались выказать свою дружбу, любовь, внимание к отъезжающим. Тостам не было конца, пожеланиям, рукопожатиям, даже объятиям и ноцелуям тоже. Как-то было шумно, но невесело. У меня постоянно щемило сердце; не знаю, предчувствие ли разлуки навсегда, или вообще, потому что я искренно, глубоко любила Наташу и мне было холодно оставаться без нее. Конечно, она не могла чувствовать так глубоко разлуки со мною, — у нее были муж и дети, для которых она посвящала всю свою жизнь, — все, что она ни делала, о чем думала, толковала, — все это делалось для них, для ее неоцененных крошек. Ей хотелось учиться, умнеть (как она выражалась) все для них, чтобы не отстать от них, чтобы быть им другом в полном смысле этого слова. Ей хотелось жить, жить до тех пор, пока ее дети начнут жить самостоятельно, когда им уже не нужна будет ничья опора... и не дожила она, бедная, до этого, ее прекрасная жизнь угасла в самый момент, когда она именно *нужна* была своим детям более нежели когда-нибудь. Кто виноват в ее преждевременной смерти? — $6c\ddot{e}$; события, обстоятельства, люди, люди. не понимавшие ее, и даже ее муж! — Всё соединилось, чтобы сгубить эту высоко благородную, честную и полезную жизнь, эту самоотверженную, прекрасную личность, с благородной, открытой душой, с нежным, любящим сердцем, в ней не было лжи ни на иоту. Искренняя, правдивая, она не умела льстить, и ее отношения к друзьям были самые чистые; если она делала замечания кому, то это не была грубость; это истекало из глубокого уважения к той личности, которой она их делала,— так я понимала ее, и она за это любила меня горячо. Случалось, когда мы вдвоем сиживали в сумерки в ее кабинете, то часто удивлялись, почему не хотят люди понять нас и все ищут в наших словах то самолюбия, то лицемерия, тогда как, положа руку на сердце, мы можем сказать, что ни того, ни другого нет в наших отношениях к друзьям. О себе я не говорю; все думают, что *я обманула их* своей искренностию, а я убеждена, что я-то глубоко ошиблась в них, - да у меня вообще недоверчивый характер - случалось мне быстро увлекаться, но, по первому подозрительному факту, я уже теряла всякую веру; Наташа была в этом случае снисходительнее меня она была и добрее и развитее меня, она многое прощала людям, почти все, зато они ей ничего не простили и закидали ее (исподтишка) грязью...

Расставшись, мы с нею обе зажили различно, хотя одинаково увлекались, ошибались, обманывались... Для меня все это было только наукой, и я закалилась в совершенном равнодушии к людям, к их мнениям обо мне и даже к самой жизни. Она, бедная, нежная, более доверчивая, сломилась... Мир ей! и вечная, незабвенная память...

Наташа совсем изнемогла от сборов; кроме укладывания, суеты, еще нравственные впечатления прощанья с друзьями, в которых она снова поверила,— поверила их любви, дружбе... она рвалась наконец поскорее выехать. Назначен был день (незабвенный для меня: 20 генваря). День

^{*} Ha полях карандашом рукою Aстраковой: Тогда ведь еще не было железной дороги в Москве никакой.

ДОМ ГАГАРИНОЙ В МАЛОМ ВЛАСЬЕВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ В МОСКВЕ (ТЕПЕРЬ № 10). ЗДЕСЬ ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ИЗ НОВГОРОДСКОЙ ССЫЛКИ В 1842 г. ЖИЛ ГЕРЦЕН Фотография, 1940-е гг. Литературный музей, Москва

ДОМ И. А. ЯКОВЛЕВА В СИВЦЕВОМ-ВРАЖКЕ В МОСКВЕ (ТЕПЕРЬ № 27). ЗДЕСЬ В 1843—1846 гг. ЖИЛ ГЕРЦЕН

Вид со двора Фотография, 1956 г. Литературный музей, Москва

разлуки и разлуки — вечной! — Так как в доме Герценых уже был разгром (кроме детской, где все оставалось попрежнему), то Александр постоянно уезжал к кому-нибудь из кружка провести последние часы *, а я с Наташей большей частью оставались дома, укладываясь и припоминая, что нужно ей взять на дорогу и пр.

Мне приходилось проводить томительные часы с глазу на глаз с Наташей. О чем было говорить? у обеих лежала тяжелан дума на сердце, такая тяжелая, что, право, это чувство было похоже на пытку, придуманную кем-нибудь из злейших наших врагов; но, несмотря на это, мыстарались взаимно ободрять друг друга то словом, то улыбкой, то гаданием о той ра-

достной встрече, когда она возвратится...

Накануне отъезда**, т. е. 19-го генваря 1847 года ¹⁰, вечером, все съехались к Грановскому; мы с Наташей после всех, так как она непременно хотела уложить сама детей и удостовериться, что они покойно заснули. Приехавши к Грановским, мы нашли всех уже в сборе: Корши, Кавелины, Н. А. Мельгунов, В. П. Боткин, П. Г. Редкин, Кетчер с Серафимой, Щепкин Мих. Сем., мой брат Сергей Ив. (может быть, кто и еще был, но память изменяет мне). Странный это был вечер! Сначала так тихо, тихо было; дамы сидели как-то отдельно, кучками, и тихо, печально разговаривали, мужчины ходили взад и вперед по комнатам, то парами, то сходились вместе, перебрасываясь незначительными фразами, — всем было как-то не по себе, точно съехались на похороны и ждут выноса... Некоторые старались острить, шутили, но все это замирало, и снова все впадало в какое-то раздумье. Напились чаю, и Наташа попросила меня съездить посмотреть на детей (самое ее не пустили, так как она уже очень была утомлена). Когда я вошла в дом, меня охватило какой-то пустотой, у меня сердце заныло от предчувствия чего-то страшного, я испугалась и побежала в детскую, но, слава богу! — дети все трое спали спокойно, кормилица Таты, Татьяна, что-то укладывала, так как она провожала свою Тату до границы, а Вера Артамоновна тоже бодрствовала и велела успокоить Наташу, что она ни на минуту не уснет, пока мы не возвратимся домой. Выходя из дому, я встретила на лестнице Константина Сергеевича Аксакова, который приехал было проститься с Герцеными. По просьбе Луизы Ивановны, я зашла и в ее дом, где застала Прасковью Андреевну Эрн (мать Марии Каспаровны) расхаживающею по комнатам в очень невеселом расположении духа. Наконец я поторопилась возвратиться к Грановским. Мне было досадно на себя, но я не могла удержать слез во всю дорогу, так что, приехавши, я боялась сразу показаться Наташе, умылась и, притворяясь улыбающейся, рассказала ей все подробно***.

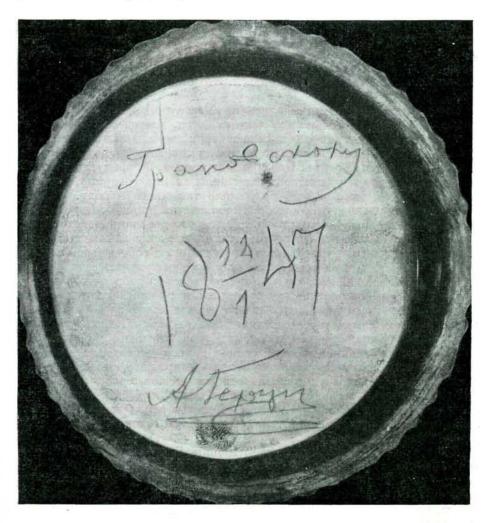
Когда поужинали, начали пить шампанское, и первые тосты по очереди пили за здоровье отъезжающих; сделалось шумно, очень шумно, но невесело...В. П. Боткин несколько раз пел Pantarilla ****, Мельгунов ему аккомпанировал, все смеялись — но весело не было!!. Чем позднее становилось. чем ближе была разлука, тем больше лилось вино, тем сильнее становился шум, но странно: все много пили, даже дамы должны были пить, а между тем нельзя было сказать ни про кого, что «он пил много» — все были трезвы; так нравственное я пересиливает вечное физическое явление — здесь горе разлуки действовало отрезвляюще. Наконец Наташа первая встала, взяла бокал (она не могла пить вина) с шампанским и сказала: «Друзья!

** Отъезжающие: Александр, Наташа, Луиза Ивановна, Мария Каспаровна и

^{*} На полях приписка рукой Астраковой: Он такой был баловень, что не мог примириться даже с минутным неудобством.

Мария Федоровна Корш.— *Примеч. Астраковой.**** Далее зачеркнуто: чем она была очень довольна
**** Впоследствии в шутку так его и прозвали: «Пантарилья».— *Примеч.* Астраковой.

Пью в благодарность за вашу дружбу и дай бог, чтобы мы увиделись снова так же горячо любящими друг друга, как расстаемся. Прощайте! Пора!..». Все руки протянулись к ней с своими бокалами и все дружно кричали: «До свидания! До радостного, скорого свидания!..». Мы с Наташей уехали прежде всех: ей хотелось поскорее взглянуть на детей и лечь. Ведь завтра еще волнение — прощание, слезы...

ПАМЯТНАЯ НАДПИСЬ ГЕРЦЕНА Т. Н. ГРАНОВСКОМУ, СДЕЛАННАЯ В ПРОЩАЛЬ-НЫЙ ВЕЧЕР 18 ЯНВАРЯ 1847 г.

Выцарапана на нижней стороне подставки для бутылки Частное собрание, Москва

Согласились все провожать Герценых до *Черной Грязи*, и поручили моему брату Серг. Ив. нанять (кажется) не то десять, не то пятнадцать троек, — когда он пришел в Дорогомилову слободу и стал нанимать, то ямщики диву дались и, похлопывая руками, говорили: «Вот так проводы! Да так только царей провожают...».

19 генваря¹¹ я встала с тяжелой головой, потому что почти не спала всю ночь, — на душе было так тяжело, что, право, едва могла дышать. Как ни толкуй, а есть в человеческой натуре что-то такое, чего еще нам

не умеет объяснить наука и что, вероятно, со временем легко объяснится — «ящик просто открывался!». Я говорю о предчувствии — мне кажется, мое внутреннее я мне тогда же сказало, что мы расстаемся навсегда!...

Вероятно, многим знакомы те последние мгновения, которые проводят отъезжающие и провожающие вместе. Отрывистые фразы, пустые вопросы: взяли ли то, не забыли ли это? —иногда пожатья руки, короткие слова счастливых пожеланий...

Наконец, заскрипели полозья, возки поданы*, некоторые тройки тоже. Все собрались в кучку в зале. Наташа попросила присутствующих, порусскому обычаю, всех сесть. Кто-то сказал: «Пора», все встали, невольно перекрестился каждый, и начались прощания... Пора! пора! — и все буквально побежали садиться в экипаж... Это было, должно быть, уже часа

в три.

. Что-то очень скоро примчались на Черную Грязь, где в гостинице уже было все приготовлено для чаю (кажется, вперед со всей провизией для чаю и ужина был отправлен Зонненберг); две большие комнаты заняли мы; кроме троек, еще приехали на своих лошадях Мельгунов с женой, Редкин и, кажется, Боткин. Поезд был огромный, и прислуга в гостинице, так, как и ямщики, удивилась; старожилы из них говорили, что они не запомнят, чтобы кого-нибудь провожало так много народу. Все время в гостинице провели очень шумно. Изъявлениям дружбы, вечной преданности и любви не было конца; кажется, дюжины две шампанского было выпито и еще послали куда-то по соседству, где взяли за каждую бутылку вместо трех по пяти рублей. Мельгунов привез с собою огромный страсбургский пирог, другие тоже захватили с собою разных разностей, чего я уже и не помню **. Что-то уже поздно вечером собрались в путь Гердены, и все высыпали на дорогу провожать их; такой был шум от общего крика всяких пожеланий, что ничего нельзя было разобрать. Наташа с Александром, Сашей и с кормилицей Татьяной, у которой на руках заснула Тата, уселись в один возок, а Луиза Ивановна с Колей, Марья Каспаровна и Марья Федоровна сели в другой (кажется, так); Зонненберг, как провожатый, в каком-то зеленом егерском костюме, чуть ли не с кинжалом за поясом и в папахе, был так смешон в своем необыкновенном безобразии и с своими необыкновенными любезностями с дамами. Он поместился на козлах. —С богом! —Полозья снова заскрипели, возки покатились, и скоро по дороге, покрытой белым снегом, они замелькали неопределенными точками.

Все засуетились, отыскивая свои тройки. Грановский, совсем охмелевший, не хотел садиться на свои сани; Кавелина положили уже, хотя он что-то все болтал, и наконец с ним случилось то, что называется «Фридрих-вон!». Он с женою ехал вместе с нами, — брат сидел с ямщиком к нам лицом, а мы втроем в заду саней, Кавелин, разумеется, с краю, свесивши голову на дорогу, иначе нам бы от него пришлось плохо. Говорили, чтои с другими дорогою много было проказ — шампанское сказалось...

Дорогой нам пришлось расхохотаться, уже подъезжая почти к Москве и когда Кавелин немного отрезвился. Надо заметить, что мой брат Сергей Иванович никогда ничего не пил из спиртных напитков и ему они были даже противны, но при проводах Герцена, когда все налили последние бокалы, он тоже налил себе буквально один глоток шампанского и выпил за здоровье отъезжающих, что возбудило общий восторг, за что Герцен обнял

^{*} На полях приписка рукой Астраковой: Возки Александр заказывал сам более удобные для дороги с детьми.

^{**} Еще прежде мы все обменялись с Герцеными разными вещами на память. Наташа всем дала по браслетке, сделанной из ее золотой цепочки. Я нечаянно потеряла эту браслетку и как ребенок плакала об ней. И странно, одновременно и Наташа потеряла мой подарок — лорнетку. — Примеч. Астраковой.

и расцеловал брата и даже Наташа поцеловала его в лоб. Когда же мы ехали уже домой, то брат вдруг заговорил: «Знаете что, господа, — ведь и пьян!». — Мы с женой Кавелина расхохотались, а Кавелин разразился ругательством: «Еще ты смеешь говорить, негодяй, что ты пьян! а! выпил с наперсток да и хвастает, что он пьян!!». В самом деле было смешно, и мы разъехались по домам не переставая смеяться над трезвым пьяницей 12.

Итак, Герценых уже нет в Москве! Чувство, которое охватило меня при этой мысли, мудрено описать. Мне казалось, что с отъездом Наташи все для меня умерло — интересов не осталось никаких. Жизнь интересна тогда, когда ее можно делить с кем-нибудь во всех ее проявлениях, а у

ПОДМОСКОВНАЯ ПОЧТОВАЯ СТАНЦИЯ ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ

Здесь 19 января 1847 г. происходили проводы, устроенные московскими друзьями Герцену, уезжавшему за границу

фотография, 1930-е гг.

Литературный музей, Москва

меня не оставалось никого, кто бы мог заменить мне ее. В первое время отъезда я как будто поверила и тому, что и оставшимся друзьям Герценых тоже нехорошо живется без них. Кажется, первый Грановский вызвал всех на то, чтобы съезжаться по очереди друг у друга, в память Герценых; и действительно, до самой весны не прекращались эти съезды: мы бывали друг у друга, толковали об отсутствующих, первый бокал пили за них, и потом, когда кто получал от них письмо, то обязан был или тотчас извещать всех о нем или даже передавать друг другу. В мужском кружке воспоминание о Герценых было очень горячо, и мне тогда казалось оно совершенно искренно. Впоследствии я убедилась, что искренность была на стороне немногих, но в кружке дам вовсе не было ничего сочувственного; они очень равнодушно отнеслись к отъезду друзей, и если при случае и выражали свою будто грусть по них, то это было, видимо, напускное, вовсе неискреннее. Я уже говорила прежде, что дамы не очень любили Наташу, и раз как-то Грановский, в порыве дружеского разговора с Наташей, сказал ей даже о близкой ему личности: «Она вас не любит, потому что завидует вам, но я уверен, что, узнавши вас ближе, она будет вся ваша».

Но этого не случилось, потому что в кружке было всегда третье лицо [М. Φ .], которая мешала всем сближаться, кто только был настолько слаб, что верил ее лицемерной дружбе. Ник как-то сказал об ней уже позднее: «Эта личность — хорошая двуличневая материя/» 13 Да, и эта материя, быть может, была первоначальною причиной последующих несчастий бедной Наташи. По ее же сообщениям, здесь быстро отрекся весь кружок дам от Наташи и заговорил с таким злорадством о ее жизни (будто бы дурной) за границей, что я решилась покончить все отношения с этим кружком, так как он сделался для меня невыносимо противным. Странно было вот что: когда не стало Александра в кружке мужчин, то ими овладели мало-помалу самые мелкие дрязги и сплетни, чего при нем никогда не было; я помню хорошо, что в беседах кружка никогда не было ни одной злостной сплетни; были шутки, остроты, но это не было направлено с предположенной целью повредить какой бы то ни было личности. Личность Александра как бы ограждала всех от влияния мелочных дрязгов, — если что и прорывалось, то он всегда умел это обратить в шутку и показать вид, что это и не могло быть иначе, как не достойное внимания дело, или обращал данный вопрос в научную форму, и тогда начинались философские прения.

Еще при жизни Герценых здесь, на даче, в дамском кружке начали замолаживать *переплеты* (?> по инициативе той же двуличневой материи, но тогда личность Наташи, не любившей подобных дрязгов, мешала развиться им в больших размерах.

Еще в 1847 году, пока интересовались письмами Герценых, я не замечала перемены в кружке и только ждала писем и писем, и слушала об них, и читала их с жадностию. Первое письмо я получила от Наташи из Новгорода (не помню, через кого). — Вот оно:

«Новгород, 23 января. Приехали сюда в 8-м часу утра, уезжаем вечером. Ну вот, Таня, с твоей легкой руки мы и едем, едем...* Все здоровы, веселы, дети ведут себя как нельзя лучше. Два раза ночевали на дороге; было 26 гр. морозу. А как выехали, я думала не переживу этих суток — такая жестокая головная боль была и тошнота; ну да теперь все в порядке, так и не нужно хныкать. — Ну что ты, Таня? Скучно тебе, пусто, я это знаю, потому что тебя знаю и себя знаю... Благодарю тебя, Таня, за все, за все, за все!.. Сергею Ивановичу жму дружески руку, Владимиру Ив. кланяюсь. Саша тебя целует, а большой поехал с визитами. Обнимаю тебя!.. так и звучит в ушах, как мы двинулись с места: "Прощайте, прощайте!" — а жаркий был вечер, Таня, и на том свете не забудешь. Кланяйся нашим, кого увидишь. Еще и еще раз обнимаю». — Следует приписка Марии Каспаровны и потом от Марии Федоровны.

В отъезд Герценых мы все расстались как будто самыми близкими друзьями и с отъезжающими, Эрн и Корш, и с остающимися здесь. Но это была ложь, которой, кажется, долго никто не замечал из нас, а мне и не дорогобыло, — передо мною стояла одна дорогая мне личность — Наташа, а другие, при всей кажущейся ко мне дружбе, для меня были чужие. Видно, сердце чуяло. Записку Наташи я перечитывала по десяти раз на день и радовалась, что у нее все идет хорошо. В ожидании других известий я перечитывала московские записки, которых у меня было много, и я, читая их, точно беседовала с Наташей и Александром. У нас с Наташей, собственно, никогда не было размолвок, разве иногда она напишет мне: "Видно, ты разлюбила меня, Таня! Бог с тобой! Я больна, а ты и не навестишь меня... Бог с тобой!". — Случалось, что и мне нездоровилось в это время, но я все-таки бежала к ней, чтобы успокоить ее, а она бранила меня, зачем я не написала ей о своей болезни и зачем не поберегла себя и пр. и пр.

С Александром мы переписывались изредка — или он напишет что

^{*} Вероятно, Наташа понимала это так, что я ей помогала укладываться и проч.— Π римеч. $A cm pa \kappa o co u$.

по поручению Наташи, чили о том, что у них вот в ночь родился ребенок, и звал меня, или иногда мы с ним перебранивались. Не помню я, по какому случаю, я высказалась против него в том отношении, что я для него вовсе чужая, что он даже не замечает меня и проч. На это я получила от него интересное письмо, которое стоит передать целиком, так как Александр уже не притворялся в нем, и его взгляд и характер обрисовался в нем с известной стороны довольно верно. Вот это письмо: ноября 5-е 1846 году, с припиской Наташи, которая тоже некоторым образом интересна для его характеристики...*

1 Текст, которым начинается сохранившаяся часть воспоминаний Астраковой, является непосредственным продолжением рассказа Н. А. Герцен («Наташи») о «случае, бывшем у них в Соколове» (см. Пассек, т. 11, стр. 332).

² Марии Федоровны Корш. В рукописи ее имя зачеркнуто и рукой Пассек каран-

дашом вписано: «одной личности из их круга...»

³ Астракова имеет в виду свой письма к Н. А. Герцен (Тате); отрывок одного из этих писем, от 20 июня 1874 г., сохранился в копии, находящейся в ЦГАЛИ: «...А знаешь, Тата, мне очень не понравилась в твоем письме фраза: "Об увлечениях лучше ничего не говорить, чтобы поняли, до какой степени она оставалась чиста и

достойна своего мужа, несмотря на и пр.

В твоих словах светится, как будто Наташа в самом деле была виновата перед мужем, — ну, это дело не так! Ведь ты не знала хорошо свою мать и ее жизнь, а знала отца, а потому можешь впадать в ошибки. Нет, скорее можно спросить — достоин ли был ее муж такой чистой, восторженной, полной любви, которую имела к нему жена Сколько раз он оскорблял ее в жизни своею ветренностью! Сколько раз ей приходи лось смотреть сквозь пальцы на его беспрестанные увлечения! Сколько раз она хворал: от этого нервным расстройством и сколько раз, вместо раскаяния, он упрекал ее в ма лодушии. За любовь-то!.. Я ведь не различаю мужчину с женщиной относительно поведения (да и всего): что ставится в вину женщине, того же я не прощу мужчине, и ему менее простительно, нежели женщине даже, он свободнее в выборе и в жизни..., Нет и нет, Наташа никогда не могла быть виновата, ее силой заставили сделать ошибку, она, как горячая натура, не выдержала натиска ложного оскорбления и увлеклась мщением... Да, мщением! — в этом случае оно, возможно, и простительно. Если бы я написала ее историю, то уж, конечно, она бы вышла у меня святая личность, а все окружающие — преступники! Ну, мир им».
Этот отрывок и своим общим тоном, и даже лишенным всякого основания объяс-

нением причин семейной драмы Герцена, верно отражает пронесенное Астраковой че-

рез всю жизнь преклонение перед личностью Н. А. Герцен.
Из копии отрывка другого письма от 7 июля 1875 г. мы узнаем, что с этим и с предыдущим письмом Астракова переслала Тате письма и «все московские записочки» Н. А. Герцен: «Еще посылаю тебе отдельно от всего листки, писанные твоей матерью только для меня <...>. Эти листки я доверяю только тебе одной, никому больше! Ты храни их как святыню или сожги... лучше, чем кто в них заглянет!..».

Публикацию писем Герцена к Астраковым, подлинники которых хранятся в Архиве русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском

университете (США), см. в следующем, 64, томе «Лит. наследства».

4 См. публикацию одного из этих писем в настоящем томе, стр. 379—380. 5 Об отношениях, сложившихся в 1846 г. между Герценом и его друзьями в Москве, см. публикацию писем Т. Н. Грановского к Герцену («Лит. наследство», т. 62,

1955, стр. 86—104).

⁸ Каролина Карловна Павлова, поэтесса.

⁷ Дочь Герцена Лиза родилась 30 декабря 1845 г., умерла 27 ноября 1846 г.

8 М. К. Рейхель, касаясь этого эпизода, называет в числе слушательниц Грановского, кроме Н. А. Герцен, только М. Ф. Корш и себя (М. К. Рейхель. Отрывки из воспоминаний и письма к ней А. И. Герцена. М., 1909, стр. 40). Очевидно, имя Астраковой пропущено ею по забывчивости.

9 О Серафиме Кетчер см. в настоящем томе, стр. 386—391. 10 Неточно: прощальный вечер состоялся 18 января (V, 5).

11 В автографе описка: «14 генваря».

12 У Лемке названы провожавшие Герценов до Черной Грязи: Грановские, Корши, Мельгуновы, М. С. Щепкин, Ю. Б. Мюльгаузен, Кетчер с женой, Редкин, Кавелин, Засядко и Егор Иванович (V, 6). Публикуемые воспоминания дают возможность дополнить этот перечень именами С. И. и Т. А. Астраковых и В. П. Боткина.

¹³ *Двуличневая материя* — ткань, в которой у́ток и основа разного цвета, что

создает впечатление изменчивости, непостоянства ее окраски.

^{*} На этом текст воспоминаний обрывается.— Ped.